

Институт образования: мифы и реальность

Образование — наиболее мифологизированный социальный институт. Мифы, которыми он окружен, имеют не один источник и не один канал распространения. Эти мифы порождаются не только структурами самого института, притом не обязательно посредством направленной деятельности, обозначаемой как "публик рилейшнз", но и другими путями — от издания официальных постановлений до туманных слухов, как-либо случайно проникающих вовне из административных органов. Возникают мифы и в пестрой, разноликой среде потребителей образовательных услуг: молодые люди и их родители пытаются на основе доступной им неполной информации расшифровать, что происходит в этой сфере, чтобы определить собственную стратегию поведения, сформировать свои намерения относительно получения того или иного образования. Мифы продуцируются, тиражируются, распространяются и средствами массовой информации, которые стараются интерпретировать происходящее в сфере образования. Возникнув и начав циркулировать, мифы претендуют на то, чтобы укорениться в массовом сознании, создать некий образ этого социального института. В последние годы они воспринимаются со все более возрастающим интересом. Это понятно: по мере развития общества освоение многих ролей, обретение определенных (зачастую привлекательных) статусов жестче детерминируется учебной в образовательных учреждениях, прохождением через формальные организации института образования. Динамика спроса на образовательные услуги вкупе с изменениями, уже произошедшими в этой сфере и объявленными на ближайшее будущее, способствуют дальнейшей мифологизации сферы образования.

В каком соотношении находится образ института образования с реальностью, с его действительными структурой и функционированием? Нами предпринята попытка на данном конкретном примере и в одном весьма существенном аспекте проследить за сегодняшним соотношением между функциями этого социального института (которые можно назвать классическими или предполагаемыми, или признанными в социологической теории) и действительным функционированием этого социального института, его реальными практиками.

Есть так называемые локальные или частные мифы о сфере образования. Они преимущественно касаются интерпретации одного или нескольких фактов. Для их нейтрализации необходимо лишь знание более или менее достоверных статистических данных о нашей действительности. Но есть и такие, которые связаны с самими основами существования социального института. Ведь институт образования (подобно всякому другому) правомерно рассматривать прежде всего как возникший и существующий для удовлетворения определенных социальных потребностей.

Речь пойдет о тех ведущих функциях этого института, которые в литературе обычно формулируются как передача культурных и социальных ценностей, содействие научно-техническому прогрессу, формирование профессиональной структуры, удовлетворение потребностей экономики в кадрах, формирование и воспроизводство навыков, необходимых для рабочей силы, создание старта профессиональной и жизненной карьеры. Мифы, соответствующие этим функциям, заслуживают специального разбора и обсуждения. Можно назвать интересным, но отнюдь не удивительным тот факт, что теоретические положения и официальные декларации по этим поводам очень близки и даже совпадают. Здесь рождается миф, который можно сформулировать так: цель института образования — удовлетворение потребностей общества.

Стоит прикоснуться к этой теме, как возникают вопросы. Во-первых, о чьих потребностях идет речь — народного хозяйства или граждан? Одни с другими, конечно, связаны, но ведь не настолько, чтобы можно было сказать, что это одно и то же. Во-вторых, такая цель, вероятно, ставилась и достигалась и прежде или она реализуется только теперь? Сочетание этих двух дихотомических признаков позволяет построить элементарную матрицу из четырех компонентов, которая положена в основу дальнейшего изложения. Начнем с сочетания "прежде" и "народное хозяйство". Считалось, что, поскольку страна живет по планам, число подготавливаемых специалистов в основном соответствует потребностям экономики. По крайней мере такая цель декларировалась.

Но помню удивление и возмущение наших философов (людей, безусловно, достойных), когда они увидели диаграмму приема в вузы Советского Союза, представлявшую собой прямую линию на протяжении десятилетий. Не было того, что называлось научно-технической революцией, или число первокурсников от нее не зависело. Дело-то было просто-напросто в том, что некто в Госплане год от года равномерно увеличивал плановое задание на прием "от достигнутого". При этом предполагалось, что структура подготовки специалистов идет за потребностями народного хозяйства.

Однако реальная практика волонтаристского "планирования" того времени имела своим результатом, с одной стороны, перепроизводство специалистов по ряду профессий, а с другой — нехватку их по иным

профессиям. Молодежь, приступавшая к трудовой деятельности, де-квалифицировалась: многие работали не по специальности. Среди окончивших вузы в 1985-1987 гг. таких было 41%, средние специальные учебные заведения — 59,8%. В это же время на должностях рабочих или служащих, не требующих данного уровня образования, работали 8,2% выпускников вузов и 22% выпускников средних специальных учебных заведений. По тогдашним подсчетам, народное хозяйство остро нуждалось в 700 тыс. высококвалифицированных рабочих для новых технологий, а фактически в 1988 г. их было подготовлено 34 тыс., что составляло 4% численности выпускников ПТУ¹.

Напомнить об этом важно в связи с распространяющейся ностальгией по "прежним временам". Особенно это важно, если рассмотреть следующий элемент матрицы: "прежде" и "потребности граждан". Распределение на работу после окончания учебных заведений — существенный элемент жизни в том советском "раю", о котором до сих пор настойчиво напоминают.

Тоска по социальным гарантиям понятна, особенно в сегодняшних условиях. Но в данном случае она весьма удивительна, возможные же аргументы в ее защиту являются весьма уязвимыми с точки зрения здравого смысла. Забывают о том, сколько страданий порождало это самое обязательное распределение, какой кабалой его считали. Забывают и о том, что оно было непосредственно связано с тем несоответствием квалификации и действительных занятий работников, которое убедительно подтверждается приведенными выше цифрами. Наконец, псевдосладкие воспоминания об обязательном распределении — это ностальгия по патерналистским отношениям государства и гражданина. Не пора ли россиянам привыкнуть рисковать, самоопределяясь в образовательном и профессиональном пространствах, самим определять свою судьбу, быть на равных с обстоятельствами времени?

Теперь направлений на работу хватает лишь на часть выпускников вузов и средних специальных учебных заведений. Так, в 1999 г. их получили только 44% выпускников российских вузов и 30% выпускников средних специальных учебных заведений². Расхватывают ли выпускники эти направления? Нет, резко сократившись, они не стали дефицитными. От многих направлений отказываются, потому что не удовлетворяют предоставляемые условия — зарплата и пр. Многие выпускники вузов, еще будучи студентами, начинали работать (по данным нашего исследования³, 40% российских студентов

¹ Труд в СССР. М., 1988. С. 94; Молодежь в СССР: Стат. сборник. М., 1989. С. 156, 145-152; Правда. 1989. 5 дек.

² Российский статистический ежегодник: Стат. сборник / Госкомстат РФ. М., 2000 С. 198, 207.

³ Исследование проведено Г.А.Чердниченко, Е.Д.Вознесенской и автором в рамках программы Министерства образования РФ "Разработка и реализация федерально-региональной политики в области науки и образования".

4 курса уже работают), часть из них таким образом успевает самостоятельно найти нужные рабочие места на будущее. Не говорят ли факты нашей сегодняшней жизни о том, что движимая собственной мотивацией и понуждаемая объективными обстоятельствами молодежь привыкает самостоятельно, без опеки государства, строить свою жизненную карьеру?

Теперь перейдем к тем сочетаниям, которые связаны с позицией матрицы — "теперь". Насколько сегодняшняя система образования удовлетворяет потребности народного хозяйства?

В настоящее время эти потребности по-прежнему сокращены, о чем свидетельствуют и официальные данные, показывающие масштабы безработицы, в том числе среди молодежи¹. Для анализа сферы образования важно также, что "зеленая" (только что окончившая учебные заведения) молодежь не вполне конкурентоспособна на рынке труда, где есть избыток специалистов, имеющих опыт работы. Кроме того, сегодня востребован только работник нового качества, имеющий квалификацию, которая соответствует современным требованиям и, что важно, соответствующее отношение к работе. Последнее, возможно, — главный дефицит на рынке труда.

Не вполне правомерно было бы обсуждать, известны ли образовательным учреждениям нынешние и, возможно, будущие потребности в кадрах. Автономизация социальных институтов, по-видимому, возросла, хотя количественно измерить это каким-либо убедительным показателем не представляется возможным. Но связи многих учебных заведений с предприятиями, насколько можно судить, или ослабли, или потеряны. А потребности в кадрах динамичны и перспектива их изменения пока остается неопределенной. Прогнозы кадровых потребностей затруднены, поскольку они должны быть завязаны на прогнозы более общих социальных и экономических процессов развития страны.

Но вполне резонно задаться вопросом: нужны ли системе образования, образовательным учреждениям данные о нынешних и будущих потребностях в кадрах? Есть ли у них такая заинтересованность?

В силу сложившихся обстоятельств система образования, лишившись прежнего объема государственной поддержки, была вынуждена бороться за выживание. Это испытание на живучесть она выдержала более или менее успешно. Используемые ею для этого средства определяют заплаченную цену, т.е. следствия. Учебные заведения полностью сориентировались на потребителей своих услуг (благо, обрели некоторую самостоятельность). Они стали открывать обучение по тем специальностям, которые хотят получить молодые люди. Поскольку многие из них желали стать экономистами, финансистами, юристами — едва ли не каждый вуз, среднее специальное учебное заведение, учреждение начального профессионального

¹ Российский статистический ежегодник... 2000. С. 105, 112, 118-122

образования открывали отделения и факультеты по этим специальностям. Словом, ответы на вопросы получаются отрицательные. Незачем, скажем, строительно-монтажному техникуму следить за рынком труда, если его благополучие определяется совсем иным.

Наступил черед последней пары из матрицы — "потребности граждан" и "теперь". Однозначно оценить положительные и отрицательные моменты того, что специальные учебные заведения "пошли навстречу" устремлениям молодежи нельзя. С одной стороны, смягчен застарелый конфликт между ожиданиями молодежи, связанными с образованием, и структурой подсистем высшего, а также и среднего специального образования. С другой стороны, весьма остры проблемы трудоустройства тех, кто оканчивает вузы и средние специальные учебные заведения, т.е. несоответствия структуры специального образования и возможностей для трудоустройства.

Таким образом, происходит профессиональная дезориентация молодежи. В прежние времена много говорили о необходимости профессиональной ориентации. Теперь информация о рынке труда — нынешнем и будущем его состояниях — складывается на основе отрывочных сведений и интуиции. Отдельные импульсы доходят до молодежи случайно, слабыми и неопределенными, как сигналы из других галактик. Учебные заведения здесь не помогают. Возлагать на них ответственность за трудоустройство выпускников было бы несправедливо. Но в то же время ясно, что что-то здесь неладно.

Курс образовательных учреждений на собственное выживание привел и к еще одному следствию — зачастую некачественной подготовке специалистов. Важнее всего стало набрать студентов на популярную специальность. При этом действительно повышается возможность обучения тем профессиям, которые хотят получить молодые люди. Но это отнюдь не значит, что им дают те знания, за которыми они пришли. Качество образования, как известно, зависит от квалификации преподавателей, от материальной базы, а если этих условий нет? Преподаватель, специалист по металлам, приходит к студентам, желающим овладеть тонкостями гостиничного бизнеса, и сообщает: "Кровати для постояльцев делаются из стали марки..." К сожалению, этот анекдотический эпизод не придуман, это — сегодняшняя реальность.

Прямое или косвенное рассмотрение соответствия действительности в этой сфере идеалу (не только в данном аспекте) приводит к часто артикулируемому в последнее время вопросу: не надо ли реформировать нашу систему образования?

Хотелось бы, чтобы оценки прошлого и нынешнего состояний системы образования делались, по возможности, трезво и объективно, без восхваления всего, что было, и одновременно без стремления "сбросить Пушкина с парохода современности". Советская система образования, как много раз отмечалось, имела негативные черты, которые наделали немало вреда: заидеологизированность,

высокий уровень централизации и т.п. Она, безусловно, имела и положительные черты. Они тоже проявили себя. Вспомним, что после запуска нашего первого спутника США начали реформу образования. Запуск этого спутника был обеспечен не только достоинствами нашей системы образования, но и, например, известными чертами тоталитарного режима. Однако и системой образования!

До сего времени прежняя образовательная система во многом сохранилась. Так что, говоря о советской системе образования, зачастую можно употреблять не прошедшее, а настоящее время. На первый взгляд, было бы идеально, если бы система образования реагировала на перемены быстро. Однако инерционность является имманентным свойством этой системы, и ставить ей это в вину — все равно, что критиковать дождь за то, что он мокрый. Следует принять за данность, что в определенных аспектах и особенно в определенные периоды инерционность системы образования оказывает обществу большие услуги, а в других аспектах, в иные фазы общественной истории хотелось бы, чтобы она была более динамичной (да, наверное, порой и могла бы быть). Итак, надо ли ее сейчас реформировать?

Предлагаемый ответ может показаться парадоксальным: она в общем-то и без того реформируется. Система образования — это зеркало общества. Меняется общество — меняется и система образования, не обязательно дожидаясь каких-либо постановлений. Представление о том, что реформы обязательно должны идти сверху — наследие тоталитарного мышления. На самом деле они идут и снизу. Что же касается постановлений, то жизнеспособны те из них, которые закрепляют статус-кво или уже существующую тенденцию. Где больше изменений в обществе, там и образование меняется сильнее. Не случайно большинство негосударственных учебных заведений расположено в Москве и С.-Петербурге.

Однако недооценивать значимость социального управления было бы неверно. Образование — один из важнейших социальных институтов. В резко дифференцированном обществе, особенно таком, как наше нынешнее, идет борьба за него. В этой борьбе реформы сверху — мощное оружие: они могут проламывать дорогу для одних процессов и закрывать пути другим, расширять возможности одних групп и создавать фильтры для остальных.

Можно ли надеяться, что социальные последствия изменений в образовательной сфере хорошо просчитаны? Что они будут способствовать повышению уровня образования населения, увеличению доступности образования, процветанию этого социального института?

Эти надежды могут базироваться лишь на основательном подходе к реформированию, тщательной проверке предлагаемых мер на неоднородной нашей отечественной почве, разносторонней оцен-

ке результатов, словом, на методике, издавна известной, но далеко не всегда практикуемой — "семь раз отмерь, один раз отрежь".

Ясно, однако: что-то делать с этим социальным институтом надо, причем срочно. Прежде всего — спасти его от деградации. Он истощен недостатком финансирования, унижен бедственным положением преподавателей, дезориентирован затянувшейся аномией.

Происходящее в этой сфере поистине драматично. Ситуация диктует роли актерам сферы образования, и они делают свой выбор. Расслоение — ярко выраженное. Есть равнодушные: нет альтернатив, и они тянут ляжку или смотрят на свое положение в этой сфере как на временное и поглядывают на сторону, подыскивая что-то более выгодное. Есть такие, для которых это неплохая сфера получения благ, и только. Есть и энтузиасты, которым общество многим обязано. Они есть в школах, профессиональных училищах, лицеях, колледжах, вузах, министерстве. Благодаря им существуют хорошие программы и учебники, способный юноша из малоимущей семьи заканчивает школу с отличными отметками, девушка из дальнего села получает высшее образование. Но даже всем энтузиастам, вместе взятым, не удастся быть тем мальчиком, который рукой заткнет брешь в плотине: напор прилива уж очень силен.

"Зеркало общества" — в этой формуле ключ к прогнозам в сфере образования. Нужны позитивные сдвиги в обществе, в том числе изменение его отношения к институту образования в целом, к школьному учителю, к университетскому профессору. Приоритеты должны быть расставлены соответственно.

Вряд ли можно возлагать надежды на призывы. Они раздаются в СМИ. И что же? Думается, рассчитывать надо на другое. У нас, в самом деле, зарождается рынок образовательных услуг. А закон маркетинга гласит: выживает только тот товар, который соответствует нуждам потребителей. Если нет объективной потребности в товаре, предлагать его бесполезно.

Возможно, развитие нашей страны пойдет по такому пути, что ей понадобятся образованные люди, много образованных людей, хорошо образованных людей. И они появятся — система образования даст их вовремя. Сфера образования расцветет и обеспечит дальнейший прогресс страны.

Только бы не слишком поздно.

Можно закупить партию новых компьютеров и этим улучшить положение в какой-то отрасли управления или промышленности. Можно закупить стадо породистых коров, развести их и тем самым в какой-то мере способствовать развитию животноводства. Но нельзя закупить за дальневосточное золото образовательный опыт или какими-либо техническими приемами умножить преподавательский потенциал страны.